

Ко времени.

Среди ужаса, среди борьбы, среди столкновений народных массъ сейчасъ болѣе всего на очередь вопросъ знанія, вопросъ искусства. Не удивляйтесь! Это не преувеличение и не общее мѣсто. Это — решительное утверждение.

Вопросъ относительности человѣческихъ знаній — всегда былъ болѣйшимъ вопросомъ. Но теперь, когда все человѣчество испытывало послѣдствія загадительной проволоки — это вопросъ сталъ наущеннымъ. Люди привыкли не только думать, но и безстыдно говорить о предметахъ, которые они явно не знаютъ. Самые почтенные люди, болѣзненно начали повторять мнѣнія ни на чёмъ не основанные. И такія сужденія вносятъ въ жизнь великій вредъ, часто неизгладимый.

Должны мы сознаться, что за послѣдніе годы европейская культура потрясена. Въ погонѣ за тѣмъ, что еще не суждено человѣчеству разрушены ступени восхожденій. Человѣчество незаслуженно пытались овладѣть сокровищемъ ему еще не принадлежащимъ и порвало благое покрывало богини Счастья.

Конечно, то, чего не достигло теперь человѣчество — ему суждено, но сколько испытаній придется человѣку опять перенести, чтобы искупить разрушение еще запретныхъ вратъ. Какимъ трудомъ и самоотверженностью придется опять исправлять разрушения основъ культуры.

Знанія затворенные въ хранилищахъ и заключенные въ умахъ учителей опять мало проникаютъ въ жизнь. Опять не рождаются дѣйствіенный подвигъ созиданій.

Жизнь наполнилась скотскими вельніями брюха. Мы приблизились къ чѣртѣ страшного заколдованныго круга. Заклясть его темныхъ хранителей, вырваться изъ него можно только талисманомъ истинного знанія и красоты.

И приходитъ время необходимости этого исхода.

Безъ ложнаго стыда, безъ ужимокъ дикарей — сознаемся въ этомъ. Сознаніе уже есть ступень преуспѣянія.

Сознаемся, что человѣчество сильно одичало. Нужды нѣтъ, что оно еще носитъ европейскій костюмъ и по привычкѣ произносить особенная слова. Но подъ костюмомъ —

дикое побужденіе. А смыслъ произносимыхъ словъ, часто великихъ, трогательныхъ, объединяющихъ — уже затмѣнъ. Пропадаетъ руководящее знаніе. Люди привыкаютъ жить въ темнотѣ.

Мало знанія. Мало искусства. Въ жизни мало тѣхъ устоеvъ, которые, единственно, могутъ привести къ золотому вѣку единства.

Чѣмъ больше мы знаемъ, тѣмъ яснѣе наше незнаніе. Но если мы вообще не знаемъ, то даже и ощущеніе незнанія нѣтъ. И двигаться нечѣмъ. И двигаться некуда. Тогда уже неизбѣжно — кромѣшное царство пошлисти.

Молодая поколѣнія не приготовлены взглянуть смѣло, со свѣтлой улыбкой, въ ослѣпительное лицо знанія. Откуда же придетъ познаніе сущности вещей? Откуда придутъ мудрыя взаимныя отношенія? Откуда придетъ единеніе? То единеніе, которое служить вѣрнымъ залогомъ наступательныхъ твердыхъ движений?

Только на почвѣ истиннаго освѣдомленія, на почвѣ подлиннаго знанія устанавливаются отношенія между народами. И настоящимъ проводникомъ будетъ международный языкъ знанія и красоты искусства. Только эти проводники могутъ установить глазъ добрый, такъ необходимый для всего будущаго созиданія.

Путемъ вражды, грубости, поношенія все равно никуда не придети. Ничего не создать. А въ природѣ человѣка осталась же душа, осталась же совѣсть. Сущность человѣка всетаки стремится къ справедливому познанію.

Долой темное. Уничтожимъ злобное и предательское. Человѣчество уже достаточно почувствовало на себѣ темную руку зла.

Вотъ скажу не общее мѣсто, не пустое слово. Скажу убѣждѣнное устремленіе подвига: единственная опора жизни — знаніе и искусство. Именно въ наши трудные дни, въ наше тяжкое время будемъ твердо помнить объ этихъ свѣтлыхъ двигателяхъ. И въ испытаніяхъ и въ бояхъ и въ побѣдахъ, будемъ исповѣдывать ихъ всѣми силами духа.

Ильинъ Реванъ.

II.

Вы говорите:

«Трудно намъ. Гдѣ же думать о знаніи и о красотѣ, когда жить не чѣмъ».

«Далеко намъ до знанія и до искусства. Нужно устроить важныя дѣла».

Ваша правда, но и ваша ложь. Вѣдь знаніе и искусство вовсе не роскошь. Знаніе и искусство — не бездѣлье. Пора уже запомнить! Это молитва и подвигъ духа. Неужели, по вашему, люди молятся лишь на переполненный желудокъ или съ перепою? Или отъ беззаботнаго бездѣлья?

Нѣтъ. Молятся въ минуты наиболѣе трудныя. Такъ и эта молитва духа наиболѣе нужна, когда все существо потрясено и нуждается въ твѣрдой опорѣ. Ищетъ мудрое рѣшеніе. А гдѣ же опора тверже? А чѣмъ же духъ зажжется свѣтлѣе?

Вѣдь не голодъ ощущаемъ. Не отъ холода сотрясаемъ. Дрожимъ отъ колебаній нашего духа, отъ недовѣрия, отъ несбывшагося ожиданія.

Вспомнимъ, какъ часто, трудясь, мы забывали о пищѣ, не замѣчали вѣтра и холода и знона.

Устремленный духъ окутывалъ настъ непроницаемымъ покровомъ.

«Оружие не разсѣкаетъ его, огонь не палитъ его, вода его не мочитъ, вѣтеръ не сушитъ его.

Ибо нельзѧ не разсѣть, ни спалить, ни пропитать влагой, ни высушить его: постоянный, всепроникающій, устойчивый, незыблѣмый, извѣчный онъ.

Одинъ почитаетъ его за чудо, другой говоритъ о немъ, какъ о чудѣ, третій слышитъ о немъ, какъ о чудѣ, но и услышавъ, никто не знаетъ его».

Пѣснь Господня, великая мудрость всѣхъ вѣковъ и народовъ о чѣмъ говорить? О человѣческомъ духѣ. Вдумайтесь въ глубокія слова и въ вашемъ житейскомъ смыслѣ.

Вы не знаете границы мощи вѣшшаго духа. Вы не знаете сами чрезъ какія непрерывныя препятствія возносить васъ духъ вашъ, чтобы опустить на землю невредимымъ и вѣчно обновленнымъ. И когда вамъ трудно и тяжко и будто

бы безъисходно, не чувствуете ли вы, что кто то помогающій уже мчится вами на помощь. Но путь его долгъ, а малодушіе ваше быстро. Но вѣдь онъ идетъ и несетъ вамъ «Мечъ мужества» и «Улыбку смѣлости».

Говорили о семье покончившей угромъ жизнь отъ отчаянія. Вѣдь это нестерпимо малодушно. Вѣдь при будущей побѣдѣ духа они, ушедшие самовольно и боязливо, будуть терзаться, ибо не приложили трудъ свой къ тому, къ чему должны были.

Не все ли равно какой трудъ. Вызывающій борется съ волною всѣми мѣрами. Но если сильнѣ духъ его, то и силы тѣла его умножаются безмѣрно.

Но чѣмъ вы выявите духъ вашъ? Чѣмъ вызовете на помощь силу вѣшшаго духа? Чѣмъ вы вскроете то, что у многихъ засыпано обломками сѣрая обихода?

Твержу: знаніемъ и красотою искусства. Въ нихъ, единственно въ нихъ — непобѣдимыя заклятия духа. Въ знаніи — во всемъ его неисчислимомъ могуществѣ. Въ искусствѣ — во всѣхъ его необозримыхъ проявленіяхъ. И, очищаемый, духъ вашъ подскажетъ, которое знаніе подлинно, которое искусство истинно. Именно духъ вашъ, вызванный изъ нѣдра вашихъ, убережетъ васъ отъ подлой, замазывающей пошлости, которую сказать нельзя, ее можно только чувствовать. Но зато чувствовать безошибочно.

Взглядните. Вдумайтесь въ то, что скажу. Объ этомъ еще вспомните. Не даромъ враги ваши такъ оперлись именно на значеніе искусства и знанія. Даже имъ вѣдома сила этихъ талисмановъ.

Неужели же вы предоставите имъ пользоваться этою мощью? Нѣтъ, и вы знаете тайну жизни и вы, на конецъ, сумѣете ее использовать полно, жизненно и проникновенно.

Вы сумѣете вызвать къ себѣ на помощь духъ вашъ. Онъ, вашъ вѣдитель, подскажетъ вамъ ближайшій путь. Онъ поведетъ васъ къ радости и побѣдѣ. Но и въ побѣдѣ онъ поведетъ васъ высокимъ путемъ, ступени которого скованы только знаніемъ и искусствомъ.

III.

Крестьяне часто производили выборы такимъ способомъ: клали спички всѣхъ партій на ночь къ образу и утромъ, закрывъ глаза, вынимали то, что будетъ указано.

Здѣсь была хоть вѣра. Но, когда вы встрѣчали въ большомъ домѣ картичу давно вѣшившую вверхъ ногами или годами неразрѣзанную книгу — то тутъ дѣло обстояло уже.

Тутъ и невѣrie было. И невѣrie двойное. Невѣrie въ чѣнность культуры. Пониманіе сущности культуры въ самомъ извращенномъ смыслѣ.

Получалась какая-то грозная подлая культура.

На днѣхъ одинъ очень почитаемый дѣятель сказалъ мнѣ, что не могъ кончиg обѣда подъ звуки послой музыки. И это признаніе было и понятно и почтено и красиво, ибо тотъ дѣятель на серьезному

симфоническом концерте нашел бы подлинный духовный подъем.

Но, когда въ гостиной уважаемаго лица вы встрѣчаете подлую олеографию — вамъ дѣлается страшно. Вы понимаете, что передъ вами че ловѣкъ съ закрытою душою, которому и вся жизнь также мутна, какъ мутно его духовное сознаніе.

Но вѣдь грядущее время не по терпитъ эту мутность души. Какое бы строительство не намѣтилось оно должно будетъ, даже въ трудныи минуты, отдать подобающее мѣсто культурнымъ подвигамъ. Иначе всѣ его хозяйственныи рѣспоряженія будутъ безмыслиемъ. И всѣ итоги исторіи будутъ свидѣтельствовать противъ него.

Конечно, продуктами культуры еще нужно научиться пользоваться. Нужно сумѣть ввести ихъ въ жизненную потребность. Людямъ съ мутными взоромъ и затемнѣнныи умомъ это сдѣлать нелегко. Нужны будутъ сознательныи усиля, нужно цѣлое образованіе, которое нельзя получить по приказу.

Чтобы прочистить умъ, глазъ и ухо надо пройти цѣлую лѣстницу ступеней. Инѣе можно слушать и смотрѣть лучшія вещи, но ничего не затрепещетъ; ни одна струна не зазвучитъ отъ этихъ прикосновеній. Надо искать созвучія культуры, а безъ сознанія темноты не пронзеть въ голову внести свѣтъ.

Именно сейчасъ приходится твердить древніи истины, именно теперь, когда многіе вольно или невольно отмахиваются отъ проявленій культуры. Ихъ, бѣнныхъ, кажется сейчасъ неумѣстнымъ о культурѣ мыслить. Чѣмъ же они предполагаютъ жить? Чѣмъ они одухотворяютъ обиходъ свой? Вѣдь служители прѣстола не дремлютъ, они прилежно улавливаютъ въ свои сѣги новыя поколѣнія.

Именно теперь вы должны особенно думать о томъ, какъ внести культуру въ новую жизнь. Теперь жизнь потрясена и полуразрушена. Позвѣйте, сейчасъ легче мыслить о новыхъ устояхъ, легче вносить ихъ въ свой кругозоръ. Привыкать къ нимъ.

Весь ужасъ нашего времени въ призываѣ: все позволено. Обезвредить его можно только зовомъ: позволено все, что служитъ истинной культурѣ...

Впрочемъ вы всетаки смигаете: «могно ли думать о культурѣ», говорите вы....

Смигаться легко. Нѣтъ тѣмъ, что не знаешь еще легче. Но на смѣшка незнанія и породила значительную часть ужаса нашихъ дней.

Не входитъ въ ряды прорѣдителей большевизма. Огнуда нѣтъ возврата. Вѣдь свѣтлой работы такъ много. Каждый человѣкъ нѣ скажу и мало, безмѣро мало людей. А строеніе храма велико и близко и непреложно.

«Знай, что То, Которымъ проникнуто все сущее, неразрушимо. Никто не можетъ привести къ уничтоженію То Единое, Незыблемое».

«Здѣсь нѣтъ ни зѣтраги силь, ни нарушений; даже и неполное знаніе спасаетъ отъ великаго страха».

Этотъ грѣховный великий страхъ передъ созиданіемъ надо изгнать. Мы бросили старую жизнь и всетаки живемъ. И всетаки строимъ вѣдѣ, гдѣ не мѣшлагь подлый страхъ, порожденный незнаніемъ и темнотою. Только искусство и знаніе изгонитъ вашъ страхъ.

Странно и стыдно приводить до воды противъ страха, противъ пошлости, противъ темноты духа. Но вѣдь нужно это. Вѣдь каждый знаетъ кому эти слова надо писать твердить ежедневно.

Огода ко сну, просыпаясь къ труду, произнесешь молитву объ изгнаніи страха и пошлости.

IV.

Даже въ недавніе годы мы еще узнавали о потрясающихъ дѣяніяхъ. Слышали о библиотекахъ, выброшенныхъ на мышиное сѣденье. Узнавали, съ ужасомъ, о сожженіи цѣннѣшихъ музыкальныхъ рукописяхъ, о невозстановимо прорваныхъ картинахъ.

Почтенная москвичка увѣряла меня, что у нее картины въ почетѣ, что ихъ къ каждому празднику «обтираютъ», а вещи оказались стертими шелокомъ.

Вообще мы еще не умѣемъ обращаться съ предметами знанія и искусства. Безчислено можно приводить примѣры. Тихій погромъ не вѣденія касается, всѣхъ проявленій культуры. Сложно стоять дѣло знанія и искусства. Безконечно мало народъ еще понимаетъ или вѣрятъ: безконечно забыть народъ своихъ корней мудрости и красоты.

Помните о чёмъ умышляютъ, прикрывающіе свои безчинства, будто бы вниманіемъ къ искусству и знанию!

Замышляющіе надѣются на неизбѣжные итоги исторіи и потому будущія новыя установленія должны подойти къ вопросамъ культуры съ особымъ вниманіемъ и осмотрительностью.

Много серіозныхъ, больныхъ вопросовъ, но среди нихъ вопросъ культуры всегда будеъ краеугольнымъ.

Что же можетъ замѣнить въ просы культуры? — продовольствіе? промышленность? — тѣло и брюха?

Стоить лишь временно устремиться къ вопросамъ тѣла и брюха, какъ интеллектъ неизбѣжно падаетъ. Весь уровень народа понижается. А при гомъ что уже произошло, при несомнѣнномъ одиличіи, всякое дальнѣшее понижение уровня губительно.

Во всей исторіи человѣчества ни продовольствіе, ни промышленность не строили одни истинную культуру. И надлежитъ осѣбо бережно обойтись со всѣмъ, что еще можетъ повысить уровень духа. Не мечтаю, но утверждаю.

При новомъ строительствѣ линія просвѣщенія и красоты должна быть лишь повышаема, но не зѣбита ни на мгновеніе. Это не отвлеченнѣе сужденья — наоборотъ ближайшій распорядокъ.

У меня хранятся письма славныхъ боевыхъ офицеровъ. Они и во времена боя, оказывая чудеса храбрости, помнили о культурѣ и красотѣ. Не это ли возводило ихъ дерзновеніе? не это ли создало ихъ подвигъ? Листки, записаны во время боя и писавши ихъ помнили передъ лицомъ смерти о знаніи и о красотѣ, — развѣ это не молитва, развѣ это не твердость духа?

Руси предстоитъ славное строительство. Подрастающее поколѣніе, внѣ вашихъ повседневныхъ нуждъ, готовясь къ подвигу истиннаго, веселаго труда.

Обстоятельства сближаютъ насъ съ явленіемъ важнѣшаго значенія. Намъ предстоитъ выдержать еще одно испытаніе. Труднос испытаніе. Испытаніе восприятіемъ культуры. Послѣ средневѣковыхъ испытаній огнемъ, водой и желѣзомъ предстоитъ испытаніе восприятіемъ культуры. Если сила духа возносилась людемъ противу огня и желѣза, то та же сила вознесетъ ихъ и наступеніи знанія и красоты. Но это испытаніе сложнѣй древніхъ искусствъ; оно будетъ поставлено въ нарочито трудная условія — готовиться его воспринять.

Нѣтъ иного пути.

А теперь обращаюсь я къ вамъ, которые остались во градѣ обреченномъ, къ тѣмъ изъ васъ, которые имѣютъ международное значеніе! И къ вамъ, друзьямъ, въ разсѣяніи сущимъ!

Вы, что то сохраняющіе и затворяющіе. Не затворите и совсѣмъ вѣшавшіе убѣцъ и предателей.

Поймите, что есть настолько злыя вещи, что и приближаться къ нимъ нельзя. Помните, что цѣль не оставляетъ средства. Знаніе и искусство не живутъ на элѣхъ вредныхъ корняхъ. Огличите же, наконецъ, признаки отъ сущности. Неужели же затворилась и совсѣмъ?

Пусть мой зовъ просочиться къ вамъ и пусть сердце ваше подскажетъ вамъ, гдѣ истинный народъ и гдѣ та ваша Родина, во имя которой вы должны принести всѣ ваши силы и знанія.

А вы, друзья въ разсѣяніи сущимъ! Пусть и къ вамъ черезъ всѣ наважденія просочиться зовъ мой. Соединимся невидимыми проводами духа. Къ вамъ обращаюсь, васъ зову: во имя знанія и красоты, для борьбы и труда соединимся.

14 III. 1919.
Гельсингфорсъ.